

**ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ
ОРГАНИЗМА ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С
ПОКАЗАТЕЛЯМИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕРВНОЙ
И СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ**

Трушкова В.В.

*Кировская государственная медицинская академия,
Киров*

Среди всех психофизиологических функций значительную роль имеют процессы кратковременной и долгосрочной памяти. В основе кратковременной (оперативной) памяти лежат многие химические и электрохимические процессы, учитывается также реверберация импульсных потоков по замкнутым нейронным сетям. В процессах долговременной памяти значимы нейропептиды, мозгоспецифические белки памяти, гормоны и нейромедиаторы. В ходе выполняемой работы процессы памяти исследовались наряду с показателями деятельности нервной и сердечно-сосудистой системы. С этой целью в фоновом периоде и после функциональных нагрузок – нервно-эмоционального напряженного умственного труда проводилась оценка деятельности сердечно-сосудистой системы по показателям: частота пульса, величина артериального давления, пульсовое давление, ударный объем, минутный объем крови, среднее динамическое давление, периферическое сопротивление сосудов, индекс Хиндельбранта, сердечный индекс, показатель эффективности кровообращения, индекс сократительной способности миокарда, коэффициент эффективности кровообращения, потребность миокарда в кислороде по Робинсону, индекс кровоснабжения, адаптационный потенциал системы кровообращения, коэффициент выносливости, вегетативный индекс Кердо. Оценка деятельности нервной системы включала в себя определение показателей: дозированной работа во времени, уровень произвольного внимания, скорость зрительного восприятия, определение устойчивости ясного видения, скорость переключения внимания, длительность переработки вторичной информации, взаимодействие коры с подкорковыми образованиями головного мозга, тест САН (самочувствие-активность-настроение). Воспроизведением рассказа оценивалась смысловая память. В ходе проводимых исследований установлена прямая корреляционная связь процессов памяти, функций внимания, активной деятельности нервной и сердечно-сосудистой системы. У ряда лиц установлено напряжение адаптационных процессов, что может определить тенденцию снижения уровней кратковременной и долгосрочной памяти.

ческое давление, периферическое сопротивление сосудов, индекс Хиндельбранта, сердечный индекс, показатель эффективности кровообращения, индекс сократительной способности миокарда, коэффициент эффективности кровообращения, потребность миокарда в кислороде по Робинсону, индекс кровоснабжения, адаптационный потенциал системы кровообращения, коэффициент выносливости, вегетативный индекс Кердо. Оценка деятельности нервной системы включала в себя определение показателей: дозированной работа во времени, уровень произвольного внимания, скорость зрительного восприятия, определение устойчивости ясного видения, скорость переключения внимания, длительность переработки вторичной информации, взаимодействие коры с подкорковыми образованиями головного мозга, тест САН (самочувствие-активность-настроение). Воспроизведением рассказа оценивалась смысловая память. В ходе проводимых исследований установлена прямая корреляционная связь процессов памяти, функций внимания, активной деятельности нервной и сердечно-сосудистой системы. У ряда лиц установлено напряжение адаптационных процессов, что может определить тенденцию снижения уровней кратковременной и долгосрочной памяти.

Филологические науки

**ДИСТРИБУЦИЯ ОДНОКОРЕННЫХ
СИНОНИМОВ В ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ
СТРУКТУРЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ГНЕЗДА**

Осадчий М.А.

*Кемеровский государственный университет,
Кемерово*

1. В название вынесен нетрадиционный для современного словообразования и лексикологии термин - «пропозициональная структура лексического гнезда». Это понятие сложилось в разрабатываемой автором концепции пропозиционально-фреймового моделирования гнезда однокоренных слов. Суть данных исследований сводится к выявлению в гнезде однокоренных слов «ситуатемной» структуры (термин «ситуатема» предложен Н. Б. Лебедевой в приложении к моделированию глагольной семантики [10]).

К настоящему времени феномен гнезда однокоренных слов довольно основательно изучен в рамках классической советской школы формальной дериватологии. Доказанным является тот факт, что гнездо слов имеет внутреннюю деривационную структуру, основанную на формальных (Л. Е. Гинзбург, А. П. Соболева) и формально-семантических (В. В. Виноградов, Е. А. Земская, А. С. Пардаев, А. Н. Тихонов, И. А. Шишов, М. Н. Янценецкая и др.) связях.

«Ситуатемное» (пропозиционально-фреймовое) моделирование позволяет выявить в гнезде слов иную внутреннюю системность, основанную на *деятельностно-семантических* связях между однокоренными словами. В основании предложенного аспекта лежит гипотеза о том, что сам феномен гнезда порожден

«сюжетным», «ситуативным» характером человеческого мировидения. В процессе своей культурно-осмысляющей деятельности человек «связывает» мир, замечая и фиксируя в нем «очевидные» для него отношения между вещами (объектами). Полное описание ситуативно-ролевых связей между однокоренными словами позволяет представить гнездо в виде *комплексной ситуации*, или *фрейма* (в данном случае мы абстрагируемся от других пониманий этого термина таких, как 'социальный поведенческий стереотип' [3] 'рече-поведенческая стратегия' [4]; см. также [9, 11]). Пропозиция, как схема элементарной ситуации, является удобной единицей фреймового моделирования гнезда однокоренных слов. Фреймовая структура гнезда, как правило, довольно сложна и разбивается на несколько мини-ситуаций, представленных разными пропозициями.

Ситуация, лежащая в основании гнезда может анализироваться как диахронически, так и синхронически. Пропозиционально-фреймовый анализ этимологически реконструированного гнезда позволяет говорить о древней картине мира, о выводах древнего человека относительно системности бытия. Однако задачи пропозиционально-фреймового анализа могут быть и менее романтическими. Так, очевидно, что в любое время, используя однокоренные слова, человек соотносит их друг с другом, ощущает актуальную связь между ними. Что же подпитывает в языковом носителе эту интуицию? Ясно, что не туманные представления о словообразовательных механизмах, изученных в школе. Языковой носитель рассуждает: «Беглец – да как же это не понимать: вот он откуда-то

бежит, точнее, сбегает – совершает побег, в общем». То есть человек интуитивно ощущает некую потенциальную ситуацию, систему «очевидных» ролевых связей между словами-явлениями. Подобное «виденье» гнезда глубоко деятельностно, практично и соответствует естественной логике «здорового смысла».

Такое направление в анализе гнездового единства во многом спровоцировано современными исследованиями в области когнитивистики и конкретно – когнитивного словообразования [1, 2, 6, 8]. Уже опубликованы работы по комплексному когнитивному анализу гнезда однокоренных слов [5].

Можно сказать с уверенностью, пропозиционально-фреймовая структура не отменяет классическую – деривационную, являясь лишь очередной версией внутренней системности гнезда слов. Формально-деривационная структура гнезда не хороша и не плоха. Она просто не-удовлетворительна (а скорее, не-достаточна) для современной лингвистики, с ее существенным креном в сторону культурно-деятельностных аспектов анализа на фоне всплеска интереса к наследию В. фон Гумбольдта. Два аспекта научного рассмотрения сходятся в точке онтологии объекта. Так, у формального и фреймового моделирования всегда в центре внимания будут такие общие проблемы внутренней организации гнезда, как типология отношений, полимотивация, словообразовательная и лексическая полисемия и синонимия и др.

Однако в настоящей работе мы хотели бы остановиться на явлении, в изучении которого предпочтительнее именно пропозиционально-фреймовый подход. В самом деле, что может прояснить формальное структурирование гнезда в проблеме дистрибуции однокоренных слов? Сам термин *дистрибуция* указывает на то, что в фокусе рассмотрения находится некая *системная динамика*. Динамичности описания можно достигнуть, если проследить за функционированием однокоренных синонимов в речи. Но в таком случае на периферии остается вопрос о языковой системе и собственно структуре гнезда. Пропозиционально-фреймовое моделирование соединяет в себе деятельностные и структуральные черты, что позволяет сгармонизировать системность и динамичность описания.

2. В случае «столкновения» нескольких синонимов в одном гнезде между ними начинается взаимодействие и конкуренция. Иллюстрацию такого рода отношений можно найти в гнезде с деривационной вершиной *информировать*. Здесь, как в ситуации, выявляются два агенса, пытающиеся распределить сферы влияния: субстантивы *информатор* – ‘тот, кто информирует’ и *информант* – ‘тот, кто поставляет какую-либо информацию в виде ответов на вопросы (исследователя)’.

Формируется следующая пропозиция: *информатор, информант нечто информационное (S) информирует (P) с целью информирования (R₀), в результате появляется информация, нечто становится информированным (R₁)*.

Слово *информант* близко по значению и пропозициональной функции слову *информатор*, однако в условиях конкуренции синонимов в пределах одного гнезда происходит семантическое и функциональное

размежевание: *информант* развивает пассивную сему и начинает функционировать в принципиально иной ситуации и, следовательно, встраивается в обособленную пропозицию, и более того – в качестве совершенно иного актанта. *Информант* выступает в роли объекта, от которого некто не просто получает информацию, а *каузирует получение информации*, стимулируя деятельность информанта, который в свою очередь становится объектом активного воздействия. Схематично это выглядит следующим образом: *некто (S) добывает (P) информацию (O) с помощью информанта (I)*.

Дифференциация функционирования рассматриваемых субстантивов усиливается и другими факторами. Речь идет о том, что пропозиция со словом *информатор* имеет в гнезде «зеркальную» элементарную ситуацию, агенсом которой является *дезинформатор*, организующий вокруг себя отраженную пропозициональную схему: *дезинформатор (S) дезинформирует (P) с целью дезинформирования, (R₀) в результате чего появляется дезинформация (R₁)*. В то время как пропозиция со словом *информант* такой антонимии в гнезде не имеет.

Вместе с тем в гнезде представлено слово *информантка*, имеющее суффикс женскости. Для производных с формантом *-атор* подобный случай не является прототипичным.

Отличный от этого тип взаимодействия можно наблюдать в гнезде с вершиной *демонстрировать*, где представлены агенты *демонстратор* – ‘тот, кто занимается демонстрацией чего-л’ и *демонстрант* – ‘участник демонстрации’. Однокоренные синонимы этого гнезда оказываются дифференцированными как на лексическом, так и на пропозициональном уровне. Такого рода дифференциация возможна в силу того, что производные образованы от разных ЛСВ мотивирующего *демонстрация*: 1 ‘торжественное шествие, собрание’; 2 ‘выставление на показ’. Соответственно, и *демонстрировать*: 1 ‘участвовать в демонстрации (в 1 значении)’; 2 ‘выставлять на показ’. Производное *демонстратор* образовано от второго ЛСВ *демонстрация*. Пропозиция актуализуется следующая: *демонстратор (S) демонстрирует (во 2 значении) (P) с целью демонстрации (во 2 значении), демонстрирования (R₀)*.

Производное *демонстрант* образует вокруг себя другую ситуацию и, соответственно, формулируется иная пропозиция: *демонстрант (S) демонстрирует (в 1 значении) (P) на демонстрации (в 1 значении) (LT)*. Если учесть, что слово *демонстрировать* в 1 значении постепенно выходит из употребления, то более релевантной будет формулировка: *демонстрант (S) участвует в демонстрации (LT)*. Пропозициональный комментарий слова *демонстрация* в данном случае связан с рядом следующих трудностей.

Слова с формантом *-циj(a)* в гнездовых пропозициях, кроме того, что выполняют функцию цели, сближаются по значению и с предикатом. Происходит совмещение обозначенных функций, таким образом слово как бы «удваивается»: *трансформатор выполняет трансформацию (I) с целью трансформации (2)*. Полифункционализм слов на *-циj(a)* является регулярным, типизированным, обусловленным особен-

ностями их типовой семантики (в этих словах происходит совмещение представлений о фрагменте действия, его развитии (Ср.: *во время трансформации изменяется напряжение*) и некой законченной картины действия, что тяготеет к семантике цели (Ср.: *это невозможно без трансформации* (самого факта трансформации) *электричества*). Следовательно, регулярный полифункционализм связан с регулярной полисемией слов на *-ция*, так что каждому ЛСВ соответствует своя функция. Со словом же *демонстрация* принципиально иная ситуация: данная лексема также полисемична, однако в пропозицию *демонстрант (S) демонстрирует (P) на демонстрации (L) (во время демонстрации (T))* оно входит только в *одном* значении. Несмотря на это, демонстрация выполняет *две* функции (времени и места), которые совмещаются в рамках одного ЛСВ (а не в нескольких, как у слова *трансформация*). На наш взгляд, это обусловлено специфичной семантикой лексемы *демонстрация*, связанной с комплексным представлением о некой ситуации, которая задана в плоскостях времени и пространства. Неразрывность представления о ситуации 'демонстрация' детерминирует нерасторжимость пространственных и временных сем в значении слова, номинирующего данное явление. Потому невозможно, по примеру со словом *трансформация*, удвоить в пропозиции слово *демонстрация*, реализовав ее раздельно в двух функциях. Выполняя функцию места, слово *демонстрация* в сознании языкового носителя не избавляется от семы времени: *он ушел на демонстрацию* (место), *во время которой* (время) *он совершает какое-либо действие*. Для сравнения заметим, что воспринимая *ароматизатор* в функции *средства ароматизации* (т.е. в значении прибора), языковой носитель забывает о семе *лица-субъекта*, т.к. эта сема заключена совершенно в другом ЛСВ лексемы *ароматизатор (ароматизатор (S) ароматизирует (P) с помощью ароматизатора (I))*. Итак, предложим трактовать случай со словом *демонстрация* как комплексный локально-временной актанта - *LT*.

Позволим себе сделать некоторые промежуточные выводы. В функционировании проанализированных однокоренных синонимов намечается тенденция к дистанцированию (информатор/информант) либо же их отношения уже стабильно дистрибутивные (демонстратор/демонстрант). Такая конкуренция проявляется не только в речевой практике, когда языковой носитель ощущает некие особенности в лексическом значении конкретных лексем. Дистанцирование однокоренных синонимов может быть истолковано и как более глубокий процесс, связанный с трансформациями на прототипично-системном уровне. Конкурирующие лексемы, как правило, стремятся отстоять независимость своего системного положения, выстраивая обособленные отношения внутри гнезда, порой проводя тем самым его серьезную фреймовую перестройку. В то время как формально-деривационная структура гнезда к такого рода подвижкам остается почти равнодушной.

3. Проследим способы сосуществования однокоренных синонимов *колонизатор* и *колонист* в гнезде с деривационной вершиной *колония*.

Дериват *колонизатор* по своим функциональным характеристикам совпадает со словом *колонист* только в значении 'тот, кто заселяет пустующие земли'. Он встраивается в те же пропозициональные схемы, что и агенсы *колонист, колонистка*: I: *колонизатор, колонист, колонистка (S) осуществляет колонизацию (P)*. II: *колонизатор, колонист, колонистка (S) расселяется (P) в колонии (2), колониальных, колониетских землях (L)*. Только что приведенная пропозиция не содержит целевого актанта *колонизация (с целью колонизации)*, т.к. колонию нельзя заселять с целью колонизации: она уже колонизирована. Напротив, с целью колонизации можно заселять какие-либо земли, не являющиеся пока колониями. Таким образом, мы имеем еще одну пропозицию: III: *колонизатор (2), колонист, колонистка (S) расселяются где-либо с целью колонизации (2) (R₀)*.

Однако синонимия *колонист/колонизатор* распадается: *колонизатор* выходит из употребления в указанном значении (эксперимент показал, что ни один из реципиентов не представил слово *колонизатор* в значении 'житель колонии'). На первый план выходит другая семантика рассматриваемой лексемы – 'тот, кто порабощает и эксплуатирует жителей колоний'. В этом значении *колонизатор* входит в другую ситуацию и функционирует в иной пропозиции: *колонизатор₁ (S) колонизирует, колонизирует (P) что-либо с целью колонизации (R₀), результатом этого является колония (R₁)*.

Производное *колонизатор* как член гнезда оказывается более сильным агенсом: большая часть членов гнезда вовлечены в ситуации, в центре которых находится данный агенс, разные ЛСВ этого деривата функционируют в большинстве гнездовых пропозиций. Кроме того, второму ЛСВ деривата *колонизатор* в гнезде соответствует синонимичная ситуация (с агенсом *неоколонизатор*) и антонимичная (с агенсом *деколонизатор*). Сильная позиция слова *колонизатор* по сравнению с ослабленной позицией производных *колонист, колонистка*, может быть объяснена тем, что само явление колонизации экзотично для русского языкового сознания, поэтому слово с давно «обрусевшим» формантом *-ист(Ø)* проигрывает деривату с еще неукоренившимся в русском языке формантом *-атор(Ø)* [7].

Противоположную ситуацию мы наблюдаем в гнезде с деривационной вершиной *мораль*. Гнездо достаточно давно функционирует в русской культуре, и исконно сильным агенсом в нем является производное с *-ист(Ø)* (ср.: *моралист, моралистка*). Данные слова полностью покрывают своей семантикой слово *морализатор*. I: *Моралист, моралистка, морализатор (S) морализируют (P), с целью морализации (R₀), результатом чего является мораль (R₁)*.

Вторая пропозиция выстраивается вокруг этих же субъектов: II: *морализатор, моралист, моралистка (S) морализуют (P) что-либо, результатом чего является морализованность чего-либо, нечто морализованное (R₁)*. В данном случае, глагол *морализовать* является переходным и означает 'насыщать что-либо морализаторством'.

Важнейшим основанием функционального (функционально-семантического) расхождения сино-

нимов моралист (моралистка)/морализатор является то, что слово *морализатор* не развивает значения 'моральный человек, человек, живущий по морали'. Ср.:

III. *моралист, моралистка (S) делают что-либо морально (V)*.

IV. *моралист, моралистка (S) делают что-либо моральное (O)*.

Производное *морализатор* возникло недавно и зафиксировано лишь в нескольких лексикографических источниках. Этим обусловлена меньшая активность данного агенса по сравнению с лексемами *моралист, моралистка*.

В анализируемом гнезде зафиксированы лексемы *деморализовать, деморализоваться, деморализация, деморализованный*, образующие ситуацию, противоположную II пропозиции. Данная ситуация не содержит актанта, репрезентированного членом гнезда, однако появление слова *морализатор* создает потенцию для образования слова *деморализатор*, которое, возможно, и займет вакансию субъекта в пропозиции: **деморализатор (S) деморализует (P) с целью деморализации (R₀)*.

Особенности кофункционирования однокоренных синонимов во многом обусловлены семантикой формантов (семантической структурой словообразовательных типов). Сам факт и пути дистанцирования или, напротив, сближения целых групп однокоренных синонимов продиктованы синонимией самих словообразовательных типов, типичной для определенной группы производных полисемией (семантическое расщепление словообразовательного типа), особенностями функционирования конкретных словообразовательных типов в русском языке (укорененность/неукорененность в языковой системе и узусе, семантическая и стилистическая специализация и т. п.).

В названии нашей работы в качестве материала исследования заявлено *лексическое* гнездо. Однако это ограничение не совсем справедливо в аспекте сделанных выводов. Ведь, как стало ясно выше, пропозиционно-фреймовая структура гнезда, ее *типизация*, а также мутация, во многом обусловлены явлениями собственно деривационного порядка. Структура (формальная и фреймовая) любого *лексического* гнезда сформировано взаимодействием *словообразовательных* типов – как внутри отдельно взятого гнездового единства, так и в словообразовательной системе в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипов А. Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе (на материале русских говоров). Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – 188 с.
2. Араева Л. А. Словообразовательный тип как средство категоризации языковой картины мира (в свете современного когнитивного подхода). // Языковая категоризация (части речи, словообразование, теория номинации. Материалы круглого стола, посвященного юбилею Е. С. Кубряковой по тематике ее исследований. М.: ИЯ РАН, 1997. – 96 с.

3. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004. – 752 с.

4. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: «Прогресс», 1989. – 312 с. С. 12 – 41.

5. Евсеева И. В. Словообразовательное гнездо как фрагмент языковой картины мира. // Лингвистика как форма жизни. Сборник научных трудов, посвященный юбилею Л. А. Араевой. Кемерово: «Кузбассвуиздат», 2002. – 172 с. С. 109 – 112.

6. Катъшев П. А. Мотивационная многомерность словообразовательной формы. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – 130 с.

7. Ковалева Т. В. Производные с *-атор/-тор* в деривационной системе русского языка: когнитивный аспект. Дисс ... канд филол. наук. Кемерово: КемГУ, 2004.

8. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: «Языки славянской культуры», 2004. – 560 с.

9. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996. – 248 с. С. 187 – 189.

10. Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – 260 с.

11. Минский М. Фреймы для представления знаний. М. «Энергия», 1979. – 260 с.

Работа представлена на II научную конференцию студентов, молодых ученых и специалистов с международным участием «Современные проблемы науки и образования», 19-26 февраля 2005г. Хургада (Египет). Поступила в редакцию 11.01.05 г.

КОНВЕРСИКА И КОНВЕРСОНИКА

Репин А.М.

Жизнь новых терминов зависит прежде всего от того, нужны они специалистам и пригодны ли для их лексикона, т. е. нуждается ли в них конкретное сообщество и пожелает ли оно их принять. Следовательно, зарождение их предопределено назревшей в них потребностью и благоприятными условиями, а применение – осознанием специалистами необходимости, соответствием требованиям терминологической науки, не отторгаемым восприятием, в итоге – мировым согласием принять их в оборот. Несмотря на известность принципов преобразования (*конверсии*) и потребность в обобщающих терминах, они всё ещё *не* упорядочены.

Термин *конверсика* для названия фундаментальной науки проистекает от латинского *conversio, convertere*, а также от иных семантически, морфологически и по звуковой форме совпадающих с ним образований на разных языках мира. Однако означая преобразование, трансформацию, изменение, превращение, они выражают **процесс, а не предмет** (вспомним "разведение" понятий *резистор* и *сопротивление*).

Термин *конверсоника* имеет общую корневую основу с первым термином и этимологически также естествен.

Примеры сущностно одинаковых (в смысле конверсии) названий: (первичные, вторичные, вентиль-